

УДК 821.161.1.09 «19»

РОЛЬ АФРИКАНСКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ Н.С. ГУМИЛЕВА В СТАНОВЛЕНИИ АКМЕИЗМА

И. Ф. ГОЛОВЧЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела управления научной работы ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», тел. +7 905 419 53 41. e-mail: cabezchenko@gmail.com

Аннотация

Головченко И.Ф. Роль африканских путешествий Н.С. Гумилева в становлении акмеизма.

Комплекс проблем, связанных с путешествием, является центральным в творчестве Н.С. Гумилева, тема Африки становится для него сквозной и является одной из форм воплощения философско-эстетического сознания поэта. В поздний период творчества автор смещает привычные поэтические наррации, изменяющие типичные представления даже о географии и хронологии. Апология пути, движения, перемещения в пространстве и времени актуализирует концепцию и принципы создания образа лирического героя (поэта, воина, путешественника, странника, мага, мореплавателя и даже правителя и философа), в немалой степени способствующего эволюции литературно-художественных взглядов автора от романтизма и символизма к акмеизму.

Ключевые слова: Символизм, акмеизм, тема путешествия, африканские мотивы, интерпретация текста.

Summary

Golovchenko I.F. The Role of N. S. Gumilev's African Journeys in the Formation of Acmeism.

The complex of problems connected with the journey is central in N.S. Gumilev's creative work, the theme of Africa becomes recurrent with him and is one of the forms of the realization of the poet's philosophical and aesthetic consciousness. In the late period of his creative work the author shifts the habitual poetic narrations that even change the typical idea of geography and chronology. The apology of the road, movement, transference in space and time actualizes the concept and principles of the creation of the image of a typical hero (poet, warrior, traveler, wanderer, magician, navigator and even ruler and philosopher), promotion to a considerable degree the evolution of the author's literary and artistic views from Romanticism to symbolism to Acmeism.

Keywords: symbolism, acmeism, journey theme, African motifs, text interpretation.

Н.С. Гумилев как творческая личность насыщенного талантами Серебряного века прошел сложный путь фактически через все эстетические системы своего времени. Действительно, в поздних стихах Гумилев одновременно и акмеист, и футурист, и имагинист [7, с. 7], и при этом, конечно, романтик. В его произведениях постоянно обнаруживаются литературно-исторические стилизации, но своим поэтическим существом он постоянно тяготел ко всему необычному, к «далеким загадочным странам», ко всему, «что можно видеть, но понять нельзя». Комплекс проблем, связанных с путешествием, является центральным в творчестве Н. С. Гумилева. Особую роль в определении художественно-эстетической системы взглядов поэта играют африканские мотивы, которые существенно повлияли на становление акмеизма.

Начиная с юношеского «Пути конквистадоров», гумилевский герой «в панцире железном», как и один из «капитанов, водителей безумных кораблей», привлекает к себе внимание и литераторов, и читателей. Симптоматично, что его учителя-символисты И. А. Анненский и В. Я. Брюсов с самого начала – уже в «Романтических цветах» – увидели характерную особенность поэтики Гумилева, подчеркнув, что «книжка отразила не только искания красоты, но и красоту исканий» [2], а также отметили специфику идиостиля поэта, который «любит все изысканное и странное, но верный вкус делает его строгим в подборе декораций» [1, с. 378]. Следует отметить, что за внешней бутафорией стихов данного сборника, по словам самого автора, внимательные читатели замечали «иронию, которая составляет сущность романтизма», объясняющего и название книги.

Своеобразие литературно-художественного мышления Гумилева способствовало исключительности его творческого пути: ему было интересно все, неизведанное поэзией, он много путешествовал, всегда был готов к дальним походам и плаваниям. Закономерно, что и в позднем стихотворении «Ледоход» встречаются «неведомых материков Мучительные очертанья». Он действительно повидал немало стран и материков, а его стихотворные строки уносили поэта «через Неву, через Нил и Сену», он писал о «Японской артистке Сада-Якко, которую видел в Париже», об «Открытии Америки», о «Падуанском соборе», о «Китайской девушке». В его сборниках удивительным образом совершается смешение и соединение описаний всех земных мест, когда-либо виденных по-

этом. Между прочим, его сборник «Шатер» должен был стать первой частью грандиозного «учебника географии в стихах», в котором Гумилев планировал описать в рифме всю обитаемую сушу.

Как известно, его особенно привлекал африканский материк, он неоднократно посещал Африку: это было короткое путешествие летом 1907 года, затем осенью 1908 года, а осенью 1909 года он через Константинополь, Каир, Порт-Саид добирается до Джибути и Харрара, но своей цели – Аддис-Абебы – не смог достичь и в начале 1910 года возвращается в Россию. Причем, в свою последнюю поездку по Африке он отправляется под эгидой Академии наук. Странствие оказалось наиболее продолжительным, трудным и насыщенным приключениями, но главное – он знакомится с новой культурой и собирает местный фольклор.

В 1916 году он печатает в прозе свои впечатления под названием «Африканская охота (Из путевого дневника)» [4]. Африканские вещи, привезенные Гумилевым из экспедиций и переданные им в Музей этнографии Академии наук, оставались для него существенным поводом для воспоминаний, нередко оживавших в его стихах. Интересно, что данному музею Гумилев посвятил проникновенные строки в «Шатре», показывающие также его отношение к музеям как к культурной памяти.

Есть музей этнографии в городе этом
Над широкой, как Нил, многоводной Невою,
В час, когда я устану быть только поэтом,
Ничего не найду я желанней его.

Я хожу туда трогать дикарские вещи,
Что когда-то я сам издалека привез,
Чуют запах их странный, родной и зловещий,
Запах ладана, шерсти звериной и роз.

И я вижу, как знойное солнце пылает,
Леопард, изогнувшись, ползет на врага,
И как в хижине дымной меня поджидает
Для веселой охоты мой старый слуга.

(«Абиссиния»).

Тема вещи, артефакта как свидетельства о проделанном путешествии – одна из сквозных для всей поэзии Гумилева. Для его творчества характерно сближение образов поэта, дающего вещам имена, и путешественника, открывающего и познающего неизвестные земли. Как следствие, странствие оказывается равнозначным открытию, познанию, называнию и введению в поэтическое пространство многих картин мира, а, главное – способствует глубинной философско-эстетической интерпретации текста [3]. Каждая страна в представлении Гумилева – некий целостный образ, который в дальнейшем необходимо раскрыть, насытить экзотическими деталями, незнакомыми тому, кто никогда не был в Африке. Так, благодаря «Шатру» в мир русской поэзии входит Абиссиния-Эфиопия – одна из самых таинственных и насыщенных культурными реалиями стран загадочного «черного континента», Нередко адресатом поэтических обращений выступает сама Африка, иногда – ее отдельные достопримечательности:

О тебе, моя Африка, шепотом
В небесах говорят серафимы.
(«Вступлень») [5].

Африканскими реалиями пронизаны многие его произведения – «Над тростником медлительного Нила», «Приближается к Каиру судно», «Абиссинские песни», «Африканская ночь», «Сомалийский полуостров», «Аддис-Абеба, город роз», «Абиссиния», «Замбези» и другие. Причем, образы отдельных стихотворений могут быть расшифрованы только при знакомстве с африканскими произведениями искусства. Привычным стало особо выделять стихотворение «Озеро Чад», в котором картину экзотической страны автор создает с помощью найденного им потрясающего образа изысканного жирафа («Я знаю, что много чудесного видит земля, Когда на закате он прячется в мраморный грот»), аллегорически олицетворяющего землю, «Оглушенную ревом и топотом, Облеченную в пламя и дымы».

Многочисленные поездки Гумилева позволили ему, во-первых, обогатить представление о мире, во-вторых, расширить свои философско-эстетические взгляды и пересмотреть литературно-ху-

дожественные позиции, кардинально повлиявшие на преодоление символизма. Вообще акмеистические тенденции творчества Гумилева начинают ощущаться в сборнике «Чужое небо» (1912 г.). Осенью 1911 года он вместе с С.М. Городецким организует «Цех поэтов», в недрах которого зарождается программа нового литературного течения, а в 1913-ому году появляется его статья «Наследие символизма и акмеизм», являющаяся манифестом основанного Гумилевым направления, требующего «большого равновесия сил и более точного знания отношений между субъектом и объектом, чем то было в символизме». Метафорически сравнивая данные направления, поэт подчеркивает, что «акмеистом труднее быть, чем символистом, как труднее построить собор, чем башню», и отмечает, что один из принципов его эстетической концепции – «всегда идти по линии наибольшего сопротивления».

Исследователи отмечают близость путешествий Гумилева к романтическому бегству от реальности: «Мы полагаем, что Н.С. Гумилев всегда оставался поэтом-романтиком, бегущим, выражаясь словами Ш.Бодлера, «в неведомую глубину, чтоб новое обрести» – в экзотические земли, будь то Африка, Италия или Скандинавия, из своей эпохи – в античность или Средневековье, а то и просто в «сказочный приют». В нем вечное стремление к тому, чего нет рядом, что непохоже на будничную действительность» [8, с. 9]. Подчеркивается именно романтическая сущность «бегства» поэта от будничности: «О «бегстве» и последующем «буколическом» пребывании в неких девственных лесных дебрях Гумилев неоднократно упоминает в своих поздних стихах, и адрес «бегства» называет всегда один и тот же: это «страна, где светит Южный Крест» («Приглашение в путешествие»), конкретно – Мадагаскар («Мадагаскар») или же другая подобная африканская земля» [6]. Неслучайно А.А. Ахматова упоминала, что в странствиях по Африке Н.С. Гумилев хотел найти некую «золотую дверь»: «Сколько раз он говорил мне о той «золотой двери», которая должна открыться перед ним где-то в недрах его блужданий, а когда вернулся в 1913 (году), признался, что «золотой двери» нет (Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966). Москва–Torino.1996: 639-640).

Одной из форм воплощения философско-эстетического сознания Н.Гумилева является образ его лирического героя, который

представлен в нескольких ролях: как поэт (певец), как воин (конквистадор, рыцарь) и даже как маг (жрец, мудрец) и повелитель (царь). Подобные типы, возникнув в самом начале творческого пути Н.С.Гумилева, остаются в его поэзии постоянными. Действительно, в поздний периода творчества Гумилев смещает все привычные поэтические наррации, изменяющие типичные представления о географии и хронологии (позволяющих заблудиться «навек в слепых переходах пространств и времен»).

Таким образом, даже краткий обзор африканских мотивов в произведениях Н. С. Гумилева подтверждает, что тема Африки является для него сквозной, в немалой степени способствующей эволюции литературно-художественных взглядов автора и, в частности, становлению акмеизма.

Список использованных источников

1. Анненский И. Книга отражений. М., 1979.
2. Анненский И.А. О романтических цветах. Речь, 1908, 15 дек.
3. Витковская Л.В. Когниция и образ автора в интерпретации смысла. М., 2016.
4. Гумилев Н.С. Африканская охота (Из путевого дневника) // Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива», 1916, № 8.
5. Гумилев Н.С. Забытая книга. – М.: Художественная литература, 1989.
6. Зобнин Ю.В. Николай Гумилев – поэт православия// <https://gumilev.ru/about/57/>
7. Иванов В. Звездная вспышка (Поэтический мир Н.С. Гумилева) // Н. Гумилев Забытая книга. М., 1989.
8. Кулагина А.А. Жизнетворческая концепция и принципы создания образа в лирике и драматургии Н.С. Гумилева. – Дисс. ... к.ф.н. – М., 2012.